

Серия «Хозяин морей»

ПАТРИК О'БРАЙАН

*Фрегат Его Величества
«Сюрприз»*

*Роман о капитане Джеке Обри
и докторе Стивене Мэтьюрине*

Ростов-на-Дону

«ФЕНИКС»

2026

УДК 821.111-311.6

ББК 84(4Вел)-442

КТК 631

О-23

PATRICK O'BRIAN

HMS Surprise

Перевел с английского Роман Сториков

О'Брайан, Патрик.

О-23 Фрегат Его Величества «Сюрприз» : роман о капитане Джеке Обри и докторе Стивене Мэтьюрине / Патрик О'Брайан ; пер. с англ. Р. Сторикова. — Ростов н/Д : Феникс, 2026. — 377, [2] с. — (Хозяин морей).

ISBN 978-5-222-36656-1

Книга продолжает рассказ о приключениях капитана королевского флота Джека Обри и судового врача, а по совместительству агента секретной службы Стивена Мэтьюрина. На этот раз героям предстоит далекий вояж к берегам Индии. Их новым домом станет фрегат Его Величества «Сюрприз» — старый, но верный корабль, на котором им предстоит еще проделать немало морских миль. Помимо знакомства с чудесами Востока герои столкнутся с серьезными испытаниями, как личного, так и военного свойства. Самым главным из них станет решающий бой с превосходящими силами французской эскадры под командованием адмирала Линуа.

УДК 821.111-311.6

ББК 84(4Вел)-442

© Patrick O'Brian, 1973

© Сториков Р., перевод на русский язык, 2026

© ООО «Феникс», оформление, 2026

ISBN 978-5-222-36656-1

MARIAE LEMBI NOSTRI
DUCI ET MAGISTRAE
DO DEDICO¹

¹ Посвящается Мэри, судна нашего повелительнице и водительнице
(лат.).

Глава первая

— Но я должен довести до вашего сведения, милорд, что в военном флоте призовые деньги¹ весьма важны. Ведь возможность поймать удачу, неважно, сколь отдаленная, сколотить состояние одним блестящим ударом — это непревзойденный стимул усердия, активности и неусыпного внимания для всякого моряка. Я уверен, что действующие члены Комитета меня в этом поддержат, — заключил сэр Джозеф, обводя взглядом стол.

Некоторые облаченные в мундиры присутствующие заинтересованно посмотрели на него. Послышалось одобрительное бормотание, однако не всеобщее. Несколько штатских имели вид напыщенный и безучастный, а кое-кто из моряков продолжил пялиться на лежавшие перед ними листы промокательной бумаги. Общее мнение собравшихся уловить было трудно, если оно вообще успело сформироваться. Это было не обычное закрытое собрание лордов-заседателей Адмиралтейства, а первое всеобщее заседание новой администрации после ухода лорда Мелвилла. В нем участвовало несколько новых членов, множество глав департаментов и представителей других комитетов. Они прощупывали обстановку, проявляя политическую осмотрительность и воздерживаясь от активных действий. Атмосфера была неопределенная, однако понимая, что ему не удалось полностью склонить собрание на свою сторону, сэр Джозеф не ощущал решительного сопротивления — скорее, просто колебания, и надеялся,

¹ Призом моряки называли захваченный вражеский корабль, который впоследствии продавался, и определенную часть от суммы получали капитан и экипаж.

что силой убеждения добьется своего, несмотря на некоторую нерасположенность Первого лорда.

— Парочки ярких примеров такого рода в ходе долгой войны хватит, чтобы стимулировать рвение всего флота на долгие годы, несмотря на лишения в море. Отказ от выплаты, с другой стороны, непременно возымеет... возымеет обратный эффект.

Сэр Джозеф был опытным и талантливым шефом военно-морской разведки, но отнюдь не оратором, в особенности перед такой обширной аудиторией. Он не подобрал меткой фразы, правильные слова от него ускользали, и он определенно ощущал в воздухе несогласие и неодобрение.

— Я не думаю, что сэр Джозеф прав, приписывая нашим офицерам столь корыстные мотивы, — заметил адмирал Харт, угодливо наклоняя голову в сторону Первого лорда. Остальные военные бросали быстрые взгляды друг на друга и на него — Харт был самым рьяным охотником за большим кушем, самым жадным захватчиком всего, что шло в руки, от голландского бауса до бретонской рыболовецкой посуды.

— Я связан прецедентом, — произнес Первый лорд, отворачиваясь от Харта и обращая массивное, гладкое и невыразительное лицо к сэру Джозефу. — Я имею в виду случай с «Санта-Брихидой».

— С «Фетидой», милорд, — шепотом подсказал ему секретарь.

— Я имею в виду с «Фетидой». И мои юристы-советники подтверждают, что это правильное решение. Мы должны соблюдать морское право — если приз был взят до объявления войны, призыв переходит в пользу Короны. Это прерогатива Короны.

— Строгая буква закона — это одно, милорд, а справедливость — другое. О законах моряки ничего не знают, но на свете нет людей, тверже следующих обычаям и чувствительнее к беспристрастной естественной справедливости. Ситуация, какой я ее вижу и какой увидят ее они, такова. Адмиралтейство, полностью осведомленное о намерениях испанцев вступить в войну и присоединиться к Бонапарту, не упустило возможности ухватить удачу за хвост. Чтобы воевать хоть с какой-то эффективностью, испанцам нужны были ценности из Ла-Платы. Адмиралтейство, не теряя времени, отдало приказ перехватить испанские корабли.

Диспозиция флота Пролива была такова, что, говоря вкратце, мы смогли послать только эскадру из фрегатов «Индефатигейбл», «Медуза», «Амфион» и «Лайвли». Они получили приказ задержать превосходящие испанские силы и отвести их в Плимут. Благодаря беспримерным усилиям и, могу признать, беспримерной разведывательной операции, которую я не ставлю себе в заслугу, эскадра вовремя достигла мыса Святой Марии. Она вступила в бой с испанцами и в результате решительных действий потопила один корабль, а остальные захватила, не без тяжелых потерь с нашей стороны. Моряки выполнили приказ. Они лишили противника военного бюджета и привезли домой пять миллионов реалов. Если им теперь скажут, что эти реалы, эти пиастры, вопреки обычаям службы, надлежит рассматривать не как призовые деньги, а как долю Короны — что ж, это произведет самый прискорбный эффект на весь флот.

— Но поскольку эта акция имела место до объявления войны... — начал один из гражданских.

— Как насчет «Бель-Пуль» в семьдесят восьмом? — выкрикнул адмирал Парр.

— Офицеры и матросы нашей эскадры не имели отношения ни к каким декларациям, — заявил сэр Джозеф. — Они не должны были лезть в государственные дела, только исполнять приказы Комитета. Они первыми приняли огонь на себя, а затем исполняли свой долг в соответствии с распоряжениями, дорогой ценой для себя и с огромной пользой для государства. Если их лишат обычного вознаграждения, если, осмелюсь сказать, тот Комитет, по приказу которого они действовали, присвоит деньги, это повлияет на тех офицеров, кто был убежден, что нужда или что-то подобное им не грозит. Те из них, кто в соответствии с этим решился взять на себя определенные обязательства, окажутся...

Он замялся, подбирая слово.

— В плачевном положении, — подсказал какой-то контр-адмирал синего флага.

— Да, в плачевном. И воздействие на весь флот, у которого больше не будет великолепного примера того, что можно достичь рвением и решимостью, окажется более значительным и гораздо

более плачевным. Этот случай допускает свободное толкование, милорд, прецеденты противоречивы, ни один из них до сих пор не рассматривался в суде, и я с полной серьезностью заявляю, что Комитету лучше было бы принять решение в пользу моряков. Это можно сделать без особых затрат для страны, а окупится сторицей.

— Пять миллионов пиастров, — с вожделием произнес адмирал Эрскин посреди всеобщих сомнений. — В самом деле так много?

— Кто из офицеров заинтересован в первую очередь? — спросил Первый лорд.

— Капитаны Саттон, Грэм, Коллинз и Обри, милорд, — ответил его секретарь. — Вот их личные дела.

Пока Первый лорд просматривал поданные бумаги, воцарившееся молчание нарушал только скрип пера адмирала Эрскина — он пересчитал пять миллионов пиастров в фунты стерлингов, разделил их на призовые доли и присвистнул, получив результат. Глядя на бумаги, сэр Джозеф понял, что игра окончена — может, новый Первый лорд и не знал ничего о военном флоте, но он опытный парламентарий и тонкий политик, а два имени капитанов из пяти были для нынешней администрации как анафема. Имена Саттона и Обри, как чертовски тяжелый груз, потопили бы неустойчивое политическое равновесие, а другие два капитана не имели никакого влияния ни в парламенте, ни в обществе, ни на службе и исправить положение не могли.

— Саттона я встречал в парламенте, — произнес Первый лорд и, поджав губы, написал какое-то замечание. — А капитан Обри... знакомое имя.

— Это сын генерала Обри, милорд, — прошептал секретарь.

— Да-да. Депутат от Бедфордшира, столь яростно нападавший на мистера Аддингтона. В своей речи о коррупции он ссылался на сына, насколько я помню. Он частенько его цитирует. Да-да. — Он закрыл личные дела капитанов и просмотрел общий отчет. — А скажите, сэр Джозеф, — спустя мгновение спросил он, — кто этот доктор Мэтьюрин?

— Это джентльмен, о котором я посылал вам докладную записку, — отозвался сэр Джозеф. — В желтой папке, — добавил он,

чуть заметно подчеркивая эти слова, что во времена Мелвилла было бы равносильно броску чернильницей в голову Первого лорда.

— Разве медиков назначают на пост-капитанские должности? — поинтересовался Первый лорд, упуская из виду подчеркнутые слова и не помня о значении «желтой папки».

Все флотские обменялись быстрыми взглядами.

— Назначали сэра Джозефа Бэнкса и мистера Галлея, милорд, и полагаю, еще некоторых ученых мужей. Это исключительный знак признания, но вовсе не единичный.

— А, — сказал Первый лорд, понимая по усталому и холодному взгляду сэра Джозефа, что допустил оплошность. — Значит, это не имеет отношения к данному конкретному делу?

— Абсолютно никакого, милорд. И если мне позволено будет на мгновение вернуться к капитану Обри, я могу с полной уверенностью заявить о том, что взгляды отца не совпадают со взглядами сына. Совершенно не совпадают, поверьте, — добавил он, уже не надеясь исправить положение, лишь немного загладить промах и отвлечь от него внимание.

И сэр Джозеф даже не огорчился, когда адмирал Харт, все еще рассчитывая заслужить расположение и одновременно выместить злобу, вставил:

— Может, следует потребовать от сэра Джозефа признания его личной заинтересованности?

— Нет, сэр, не следует, — воскликнул адмирал Парр, чье лицо сменило цвет портвейна на багровый. — Ради Бога, это самое нелепое предположение.

Его голос утонул в бурчании и покашливании, сквозь которые можно было разобрать слова: «что за адская самонадеянность... новый член Комитета... всего-то контр-адмирал... мелкое дерьмо».

— Если адмирал Харт желает сказать, что я как-то заинтересован в личном благополучии капитана Обри, — с ледяным взглядом отозвался сэр Джозеф, — он ошибается. Я с этим джентльменом никогда не встречался. Польза флоту — вот моя единственная цель.

Харт был потрясен реакцией на весьма, по его мнению, разумное замечание, и тотчас же убрал свои рога, которые среди леса прочих рогов ему наставил упомянутый капитан Обри. Харт рассыпался в извинениях — он нисколько не имел в виду и даже не подразумевал то, что сказал, и ни в малейшей степени не желал оскорбить благороднейшего джентльмена.

Первый лорд с некоторой брезгливостью похлопал по столу ладонью и заявил:

— Но в любом случае, я не могу согласиться с тем, что пять миллионов пиастров — небольшая трата для страны, и, как я уже говорил, наши законники уверяют, что деньги надлежит рассматривать как доход Короны. Как бы лично мне ни хотелось согласиться с убедительным и во многом совершенно справедливым предложением сэра Джозефа, я боюсь, мы связаны прецедентом. Это вопрос принципа. Будучи осведомленным о том, что экспедиция с блестящим успехом осуществлена под вашим руководством, сэр Джозеф, я говорю это с бесконечным сожалением, и никто не может больше меня желать процветания и богатства джентльменам из военно-морского флота. Но, увы, у нас связаны руки. Тем не менее давайте утешимся мыслью о том, что для распределения остается изрядная сумма, разумеется, не миллионы, но все же значительная. Да. И с этой утешительной мыслью, джентльмены, полагаю, теперь мы можем переключить внимание на...

Они перешли к техническим вопросам вербовки, тендеров и брандвахты, к темам вне сферы интересов сэра Джозефа, и, откинувшись на спинку кресла, он смотрел на участников совещания, оценивая их способности, в целом небогатые. Новый Первый лорд — дурак, примитивный политик. Сэру Джозефу довелось служить под началом Чатема, Спенсера, Сент-Винсента и Мелвилла, рядом с ними этот человек просто жалок. Все они имели свои недостатки, в особенности Чатем, но никто не упустил бы главного — в данном случае заплатит испанская сторона, предоставив Королевскому флоту блестящий пример и осыпав ливнем золота четырех молодых капитанов, и эти деньги не покинули бы страну.

Состояние на флоте удавалось сделать немногим, в основном адмиралам, получавшим свою долю от бесчисленных захватов, к которым они сами никакого отношения не имели. Капитанов, сражавшихся на кораблях, — вот кого бы следовало поощрять. Вероятно, сэр Джозеф не сумел высказать свои мысли так ясно, как следовало, он был не совсем в форме после бессонной ночи, когда пришлось разбираться с семью отчетами из Булони. Но, во всяком случае, ни один Первый лорд, кроме, может быть, Сент-Винсента, не переводил бы вопрос на политику. И уж точно никто из них не сболтнул бы имя тайного агента.

И лорд Мелвилл (знавший толк в разведке, выдающийся Первый лорд) и сэр Джозеф очень ценили доктора Мэтьюрина, своего советника по испанским и, в особенности, по каталонским делам, необыкновенного, полностью бескорыстного агента, смелого, старательного, надежного и квалифицированного, никогда не принимавшего вознаграждения за службу — и какую службу! Это он передал сведения, позволившие нанести такой сокрушительный удар. Сэр Джозеф и лорд Мелвилл разработали целый план, чтобы убедить его принять деньги врага, а теперь его имя прозвучало публично, даже не на относительно закрытом Комитете, а перед гораздо более разномыслным собранием, и с вопросом, прямо обращенном к шефу морской разведки. Просто невымыслимо.

Полагаться на осмотрительность моряков, которые думали, будто разобраться с таким хитрым врагом, как Бонапарт, можно, просто взорвав его корабли, было непрофессионально. Не говоря уже о штатских, болтливых политиках. Эти ближе всего подходили к опасности, когда разглядывали в подозрительные трубы со скал Дувра армию вторжения Бонапарта — двести тысяч человек, разбивших лагерь на другом берегу. Сэр Джозеф смотрел на лица за длинным столом. Собравшиеся распалялись в споре по поводу соотношения юрисдикций в вопросе собственно флотской вербовки и вербовочных отрядов с кораблей. Адмиралы так кричали друг на друга, что слышно было по всему Уайтхоллу. Первый лорд, кажется, вообще не контролировал собрание. Сэр Джозеф нашел в этом утешение — возможно, промах будет забыт.

«И все же, — сказал он самому себе, набрасывая в блокноте метаморфозы бабочки-адмирала — яйцо, гусеницу, куколку и взрослое насекомое, — что же мне сказать ему при встрече? Как смотреть в глаза?»

Над Адмиралтейством в Уайтхолле моросил серый дождь, но в Сассексе было сухо и безветренно. Над дымоходом маленькой гостиной в Мейпс-Корт дым поднимался столбом на добрую сотню футов, а потом расплывался в синюю дымку, стелящуюся в ложбинах между холмами за домом. Листва едва держалась, то и дело с дерева за окном слетал яркий желтый лист и, неспешно кружа, опускался, с тихим шорохом мирной и легкой смерти присоединяясь к золотому ковру на земле.

— После первого же порыва ветра все деревья станут голыми, — заметил доктор Мэтьюрин. — Тем не менее осень — это и своего рода весна, ибо нет ничего, что не сменилось бы новой порослью. Дальше к югу это видно так ясно. В Каталонии, куда вы с Джеком приедете, когда закончится война, дожди осенью поднимают траву как армию копий. Даже здесь... Дорогая, меньше масла, прошу вас. На мне уже и так предостаточно жира.

Стивен Мэтьюрин обедал с дамами усадьбы Мейпс — миссис Уильямс, Софией, Сесилией и Фрэнсис, и на его шейном платке, жилете табачного цвета и серых бриджах красовались бурые следы виндзорского супа, трески, пирога с голубятиной и заварного крема. Ел он неаккуратно, а салфетку утерять еще до первой перемены блюд, несмотря на все старания Софи ее сохранить. Теперь он сидел с одной стороны камина и пил чай, а с другой Софи поджаривала для него пышки, наклонившись вперед, вся в золотистом сиянии. Все ее внимание поглощали старания не сжечь пышку, поднеся слишком близко к пламени, или не пересушить, держа чересчур далеко. Угасающий огонь высветлял ее округлые плечи и хорошенькое лицо, подчеркивал широкий лоб и идеальный контур губ. Беспокойство за пышку лишило ее черты обычной сдержанности — у Софи, как и у младших сестер, была привычка высовывать кончик языка в моменты сосредото-

точности. В сочетании с совершенной красотой это придавало ей до нелепости трогательный вид.

Стивен смотрел на нее с большим благодушием, сердце необъяснимо ныло, и у этого чувства не было имени — она обручена с капитаном Обри, его лучшим другом, а кроме того, его пациентка, и они близки, насколько это возможно без романтических отношений между мужчиной и женщиной, а то и больше.

— Первоклассная пышка, Софи, — сказал он, — но пусть будет последней. И вам тоже больше не рекомендую, дорогая. Вы начинаете полнеть, а всего полгода назад выглядели изможденной и нерадостной. Но мне кажется, вас украсила перспектива замужества. Вы прибавили не меньше полстоуна, и цвет вашего лица... Софи, зачем вы накаливаете еще одну пышку? Для кого она предназначена? Ответьте, для кого эта пышка?

— Для меня, дорогой. Джек сказал, я должна быть крепкой.

— Джеку нравится крепкий характер. Он говорит, что лорд Нельсон...

Где-то очень далеко, в Полкари-Даун, неподвижный, почти застывший воздух пронзили трели рожка. Оба обернулись к окну.

— Полагаю, убили лису? — сказал Стивен. — Будь Джек здесь, он бы точно знал.

— О, я очень рада, что Джек не там, не на мерзкой гнедой, — отозвалась Софи. — Она всегда его сбрасывала, и я опасалась, что Джек сломает ногу, как юный мистер Сэвил. Стивен, вы помогите мне задернуть гардину?

«Как она повзрослела», — подумал Стивен.

Вслух, уже держась за шнурок и выглядывая в окно, он добавил:

— А как называется вон то дерево? Экзотическое и хилое, вон там, на лужайке.

— Это «дерево пагода», но не настоящее, просто мы его так называем. Его посадил дядя Палмер, путешественник, он говорит, что название очень подходит.

Сказав это, Софи пожалела о своих словах даже раньше, чем закончила предложение. Она знала, какие воспоминания это слово пробудит в Стивене.

Смутные предчувствия так часто оказываются верными: у любого, кто как-то связан с Индией, дерево пагода вызвало бы такие же ассоциации. Пагодами называют маленькие золотые монеты, формой схожие с его листьями, а «трясти дерево пагоду» означает сколотить в Индии состояние, стать набобом — расхочее выражение.

И Софию и Стивена тревожила Индия, потому что, по слухам, там находилась Диана Вильерс со своим покровителем и любовником Ричардом Каннингом. Диана, кузина Софи и когда-то ее соперница за расположение Джека Обри, стала объектом отчаянного и упорного внимания Стивена. До побега с мистером Каннингом энергичная молодая женщина с поразительным обаянием и неустрашимым твердым характером была важной частью жизни Мэтьюрина и Обри. Разумеется, в семействе она была паршивой овцой, ее имя в Мейпсе принципиально не упоминалось. Тем не менее в усадьбе на удивление много знали о ее передвижениях, она занимала в их мыслях неожиданно много места.

Газеты многое сообщали, поскольку мистер Каннинг был в некотором роде публичной фигурой. Он был богат, вкладывал деньги в судоходство, Ост-Индскую компанию, занимался политикой. Вместе с родственниками контролировал три продажных округа, назначая членов парламента — будучи евреями, сами они избираться не могли. Вращался он и в светских кругах, имея друзей в окружении принца Уэльского. Еще больше узнавали из слухов, приходивших из соседнего графства — там жили его кузены Голдсмиды. Но и это не шло ни в какое сравнение с информацией, находящейся в распоряжении Стивена Мэтьюрина. Несмотря на внешность человека не от мира сего и неподдельную преданность натурфилософии, он обладал широко простирающейся сетью контактов и прекрасно умел ею пользоваться.

Он знал название корабля Ост-Индской компании, на котором отплыла миссис Вильерс, расположение ее каюты, имена двух ее служанок, их родственные связи и происхождение (одна была французенкой, чей брат в начале войны попал в плен и сейчас сидел в тюрьме Норман-Кросс). Он был осведомлен о количестве и сумме

оставшихся после нее неоплаченных счетов, а также о буре, разразившейся в семействах Каннинггов, Голдсмидов и Мокатта и не утихшей до сих пор, поскольку миссис Каннинг (урожденная Голдсмид) не одобряла многоженства и с неустанным рвением призывала родственников на свою защиту. Эта буря и побудила Каннинга уехать в Индию с официальной миссией, связанной с французскими владениями на Малабарском берегу, весьма привлекательном по части «сбора пагод» месте.

София не ошиблась: после упоминания злосчастливого дерева именно эти мысли роились в голове молча сидевшего у огня доктора. Впрочем, они всегда витали где-то неподалеку, с готовностью появляясь по утрам, когда Стивен просыпался, недоумевая, почему так удручен горем, а если они по какой-то причине отсутствовали, взамен приходила физическая боль в районе диафрагмы, и он прикрывал это место ладонью.

В потайном ящике его стола, который из-за этого было трудно открыть или закрыть, лежали отчеты, озаглавленные «Вильерс Диана, вдова Чарльза Вильерса, эсквайра, Бомбей» и «Каннинг Ричард, Парк-стрит и Колубер-хаус, Бристоль».

Эта парочка была так же тщательно задокументирована, как и любые подозреваемые в шпионаже в пользу Бонапарта, и хотя большая часть этих бумаг поступила от благожелателей, многие были приобретены обычным коммерческим путем и стоили немалых денег. Стивен не жалел средств на то, чтобы сделать себя еще несчастнее, а свое положение отвергнутого возлюбленного еще яснее.

— Зачем я собираю все это, бередя раны? — пробормотал он. — С какой такой целью? Да, на войне любые добытые сведения — уже успех, а я могу назвать это личной войной. Неужели все только в попытке убедить себя, что я еще не побежден, хотя и выбит с поля боя? Довольно рационально, однако, несомненно, ложно — уж больно гладко звучит.

Стивен произнес это на каталанском, поскольку, будучи в некотором роде полиглотом, имел привычку мыслить на языке, наиболее подходящем случаю. Его мать была каталонкой, а отец ирландским офицером, и доктор говорил на каталанском,

английском, французском и кастильском так же естественно, как дышал, и не имел среди них предпочтений, переходя с одного языка на другой сообразно предмету разговора.

«Что ж я не придержала язык, — думала Софи, с тревогой глядя, как ссутулившийся Стивен не отводит глаз от алой пещеры под горящим поленом. — Бедняга, как же его сердце нуждается в штопке. Кто-то должен о нем позаботиться. Он совершенно не приспособлен к тому, чтобы скитаться по свету в одиночестве, это так тяжело для возвышенных натур. Как она могла быть такой жестокой? Все равно что ударить ребенка. Настоящего ребенка. Как мало дает мужчине ученость — он же почти ничего не сообщает. Всего-то и нужно было сказать прошлым летом: „Будьте моей женой“, и она воскликнула бы: „О да, если вы этого хотите“. А я ведь ему говорила. Конечно, она не сделала бы его счастливым, эта... — У Софи едва не вырвалось „сука“, но она вовремя опомнилась. — Мне никогда больше не полюбить это дерево пагоду. Все было так хорошо, а теперь огонь будто погас, он и впрямь погаснет, если я не подброшу полено. Уже совсем темно. — Ее рука потянулась к колокольчику, чтобы послать за свечами, дрогнула и вернулась на колени. — Ужасно, как страдают некоторые люди, — подумала она. — А мне так повезло, что порой это даже пугает. Мой дорогой Джек...»

Перед ее мысленным взором возник яркий образ Джека Обри, высокого, стройного, полного жизни и нескрываемой любви. Его соломенные волосы ниспадали на капитанский эполет, а на розовощеком обветренном лице сияла радостная улыбка. Софи представила шрам, протянувшийся от подбородка к волосам, мундир во всех деталях, медаль за сражение на Ниле и тяжелую изогнутую саблю, подаренную «Патриотическим фондом» за потопление «Беллоны». Когда Джек смеялся, его синие глаза превращались в сияющие щелочки, еще более синие в сравнении с алым румянцем. Ни с кем и никогда ей не было так весело — никто не умел так заразительно хохотать, как он.

Видение было разрушено ворвавшимся в открывшуюся дверь потоком света. В дверном проеме появилась приземистая фигура миссис Уильямс.

Оглавление

Глава первая	7
Глава вторая	29
Глава третья	56
Глава четвертая	75
Глава пятая	100
Глава шестая	134
Глава седьмая	190
Глава восьмая	238
Глава девятая	273
Глава десятая	330
Глава одиннадцатая	348

Патрик О'Брайан
ФРЕГАТ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА «СЮРПРИЗ»

Ответственный редактор *Д. Кондратьев*
Художественный редактор *Ю. Прописнова*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Залиев*

- RU** **Фрегат Его Величества «Сюрприз»: роман.** Формат: 60х90/16. Тираж 4 000 экз. Заказ № Издатель и изготовитель: ООО «Феникс». Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150. Тел./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50. Изготовлено в России. Дата изготовления: 08.2026. Срок годности не ограничен. Отпечатано в ООО «Ярославский полиграфический комбинат». 150049, Россия, Ярославская область, г. Ярославль, ул. Свободы, дом 97.
- KZ** **Мәртебелі «Сюрприз» фрегаты: роман.** Форматы: 60х90/16. Таралымы 4 000. Тапсырыс № Баспагер және дайындаушы: «Феникс» ЖШҚ. Заңды және нақты мекенжайы: 344011, Ресей, Ростов обл., Дондағы Ростов қ., Варфоломеев к-сі, 150 үй. Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50. Ресейде дайындалған. Дайындалған күні: 08.2026. Жарамдылық мерзімі шектелмеген. Басылды «Ярославский полиграфический комбинат» ЖШҚ. 150049, Ресей, Ярославль облысы, Ярославль қ., Свобода к-сі, 97 үй.
- BY** **Фрэгат Яго Вялікасі «Сюрприз»: раман.** Фармат: 60х90/16. Тыраж 4 000 экз. Заказ № Выдавец і вытворца: ТАА «Феникс». Юр. і факт. адрас: 344011, Расія, Растоўская вобл., г. Растоў-на-Доне, вул. Варфаламеева, д. 150. Тэл./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50. Выраблена ў Расіі. Дата вырабу: 08.2026. Тэрмін прыдатнасці не абмежаваны. Надрукавана ў ТАА «Ярославский полиграфический комбинат». 150049, Расія, Яраслаўская вобласць, г. Яраслаўль, вул. Свабоды, дом 97.